
Автор представлен членом Художественного совета **Ингой Сташевска**

Памяти

Заклинаю тебя: явись
На минуту хотя б, как раньше...
Птицы с шумом штурмуют высь,
Слышно пение половиц:
Старый дом охраняют стражи.
Оборотишься – никого...
Я хочу, презирая хворость,
Воротиться в тот давний год:
Жеребята во мгле лугов,
Мама в печку кидает хворост,
Мне четыре, я в меру глуп,
И в грозу, не скрывая дрожи
Первобытной, от пят до губ,
Вслед за бабкой твержу в углу
Заклинанье: «Святые боже...»
Помню птичий немой простор
Из моих озорных фантазий.
Там страда, там народ простой,
Деревенское торжество –
Головастики в луже грязной!
Помню трепетный мех ягнят
И таинственный запах сена...
Старый дом. Язычки огня.
Ты опять исцелишь меня
Удивительно, совершенно!

Ласко

Взвыл механизм, заскрипели оси,
Голого мира вздымая ткани...
Первый художник, дрожа, наносит
Глину с углем на шершавый камень.
И восстает из земли и пепла
Зверь настоящий, большой и страшный...
Годы сменяют друг друга слепо,
Мир изумленный все строже, старше,
Не повернуть – бестолково, щедро
Сыплются зерна для новой вехи...
Только рисунок во тьме пещеры
Ждет своего золотого века.

Договорить

Рыжий кафель обычно драится трижды в месяц,
Но сейчас вне графика. Там в глубине палат,
Лишь о том и суд, как на этом на самом месте
Извивался, встречая смерть, господин Пилат.

И бывалые-то не помнят, откуда прибыл
На довольствие этот странный смешной старик,
Но по карточке – в свое время был крупной рыбой:
Прокурор ли, префект – из тех, кто давно привык

По работе и жизни дело иметь с отребьем,
Осуждать без пощады, не умывая рук,
И выслушивать всякий бред, что они натреплют,
Пропуская слова – как пыль на сухом ветру.

Так не буйный, но коль накатывает припадок,
Тянет руки к лампочке, к трещинам потолка
И внушает кому-то: договорить, мол, надо,
Надо, мол, завершить беседу, а всё никак...

И мозжит головой по кафелю больше часа,
И елозит по полу, напрочь лишенный сил...
А сегодня с утра он все-таки достучался.
Тот другой, в потолке, – наверно, его простил...

Рефлексивное

Не мечтается и не пишется, безобразный шершавый сплин.
Тополя запустили мышцы из бескрайности вглубь земли,
Изнывают от скуки голуби, ткется времени круговерть.
Тишина угнетает, горбит – трудно верить, но надо ведь?..
Через голые окна сумерки, как угар, заполняют дом.
Машинально хватаю сумку и накидываю пальто...
Ведь не так, по-другому было же миллионы потерь назад!
Направляюсь к жилищу бывшей, понемногу входя в азарт.
Кареглазое чудо, барышня с кучей принципов тверже льда,
Что однажды снесла мне башню и запомнится навсегда.
Пусть она безысходно замужем, по свидетельству соцсетей,
Да и небо покрылось сажей, и условия всё не те...
Под окном её до полуночи – слезы катятся по щекам –
Проторчу. А наутро лучше соберусь и... куплю щенка.

Злой колдуньей беснуется старая осень...

Злой колдуньей беснуется старая осень,
Шум таинственный, древний.
Я всё жду: прилетишь и ударишься оземь,
Обернешься царевной,

Будешь прясть у окна под мерцанье лучины
И качать колыбельку,
И говаривать сказки прилежно и чинно
Мне, убитому в стельку.

Прочь от нашего дома спровадишь недуги
В тридешатое царство,
И всамделишный волк будет нашей прислугой,
Благородный, клыкастый.

Буду поле пахать настоящим оралом,
Словно семь Симеонов,
Научусь находить необъятное в малом,
Хоть в травинке зеленой,

Научусь жить по чести, в достатке и правде...
Только лет через двадцать
Богатырь подрастет – и потребует «Ауди»,
И серьезных дотаций.

Не заметишь, царевна, – лишишься короны,
Я возьму подработку,
На поклон к бюрократским дорожкам ковровым
Потащусь по субботам.

Богатырь подрастет, верным волком обласкан,
Всех сильнее и краше,
И начнется его современная сказка,
Не такая, как наша.

Гадание

Она гадала на рекламных огнях,
Огни упрямо ей твердили: не-Он.
Закат ссутулился и как-то обмяк,
И стало зябко под ногами его.

Она гадала на безликой толпе,
Но в гуще ключик невозможно найти.
Казалось, птицы и не думали петь,
Как будто не было в том городе птиц.

Осколки сердца впопыхах подобрал,
Дала зарок не думать больше о Нем.
А утром правду отыскала сама,
Букет ромашек увидав под окном.